

Министерство образования Российской Федерации

Воронежский государственный университет

**История зарубежной литературы XIX века
часть 1 (романтизм)**

П Р А К Т И К У М

по специальности 031001

ОПД. Ф.03.7

Воронеж 2004

Утверждено научно-методическим советом филологического факультета
протокол № 2 от 4.10.2004 г.

Составители: **проф. А.Б.Ботникова**
 доц. Е.А.Панкова

**Практикум подготовлен на кафедре зарубежной литературы
филологического факультета Воронежского государственного
университета.**

**Рекомендуется для студентов 2 курса д/о филологического
факультета**

*Методическое пособие предназначено для студентов-филологов 2 курса дневной формы обучения и содержит материалы и задания к практическим занятиям по истории зарубежной литературы первой части XIX века (романтизм). Студентам предлагается выполнить задания двух типов, каждый из которых должен развивать различные навыки их самостоятельной работы. Задания к занятиям 1-4 содержат отрывки из художественных произведений изучаемого периода литературы и предполагают подробный, вдумчивый филологический анализ текста. При этом в плане каждого занятия сделан акцент на соответствующем аспекте теории литературы: проблеме жанров романтической сказки или лиро-эпической поэмы, проблеме романтического стиля и иронии. Эти занятия развивают и иллюстрируют теоретический материал лекционного курса, в ходе работы студенты должны приобрести навыки применения полученных теоретических знаний для самостоятельного анализа художественного текста. Для выполнения заданий 1-4 **желательно** познакомиться с указанной в планах занятий научной литературой по теме.*

*Задания к занятиям 5-8 содержат вопросы более общего характера, ориентирующие студентов в учебном материале, они рассчитаны на самостоятельную работу с учебниками, монографиями, художественными текстами. Эти задания включают в себя учебный материал, вынесенный за рамки лекционного курса, и должны развивать у студентов навыки аналитического чтения учебной и научной литературы с целью самостоятельного получения знаний. Для выполнения этих заданий **необходимо** сначала прочитать соответствующие художественные произведения из списка обязательной литературы по курсу, затем разделы учебников и монографий, указанные в плане занятия, и ответить на предложенные вопросы таким образом, чтобы составить для себя по возможности более полное представление об особенностях творчества изучаемого автора.*

Занятие № 1

Немецкая романтическая сказка и ее особенности

Новалис

Сказка о Гиацинте и Розочке

Давным-давно жил далеко на западе совсем-совсем молодой человек. Он был очень добр, но и чудак, каких мало. Он беспрерывно отчего-то печалился, всегда тихо бродил в одиночку, сидел в стороне, когда другие играли и веселились, и вообще занимался странными вещами. Его любимым приютом были пещеры и леса, и он всё время разговаривал со зверями и птицами, с деревьями и скалами, конечно, ни одного разумного

слова, а сплошной вздор; послушаешь – со смеху помрешь. Но сам он всегда оставался насупленным и серьёзным, хотя белка, мартышка, попугай и снегирь из сил выбивались, чтобы развлечь его и направить на путь истинный. Гусь рассказывал сказки, ручей тут же брэнчал балладу, огромный толстый камень выкидывал потешные коленца, роза, подкравшись сзади, ласково обнимала его, залезала ему в кудри, а плющ поглаживал его нахмуренное чело. Хандра и задумчивость, однако, были упрямы. Его родители очень грустили, не зная, что делать. Он был здоров и ел с аппетитом, никогда и ничем они его не обидели, и вообще ещё несколько лет тому назад он был весел и беспечен, как никто. Он был первым во всех играх, и девушки охотно заглядывались на него. Он был действительно хорош, одно загляденье, и танцевал лучше всех.

Среди девушек была одна, прелестная, как картинка; лицо, словно воск, волосы, как золотой шёлк, алые, как вишни, губы, стройная, как куколка, брови, как вороново крыло. Кто её видел, места себе не находил, так она была мила. В то время Розочка – так звали её – всем сердцем привязалась к прекрасному Гиацинту – так звали его, и он до смерти её полюбил. Остальные об этом ничего не знали. Впервые обо всём разболтала фиалка, кошки тоже давно все приметили: дома их родителей стояли совсем близко друг к другу. И вот когда Гиацинт стоял ночью у своего окна, а Розочка у своего, а кошки, охотясь за мышами, пробегали мимо и видели, как те стоят, они всегда так громко смеялись и хихикали, что те это слышали и сердились. Фиалка доверилась землянике, та разболтала все своему приятелю крыжовнику, этот уж не скупился на уколы, когда Гиацинт проходил мимо. Так со всех сторон и слышалось: «Розочка, сокровище моё!» Гиацинт, бывало, рассердится, и тут же рассмеётся от всего сердца; когда юркая ящерица, устроившись на тёплом камне, поводила хвостиком и напевала:

Розочка, ребёнок дорогой,
 Стала вдруг совсем слепой,
 Думает – Гиацинт её мать,
 Бросилась его обнимать;
 Но, заметив чужие черты,
 Чтоб испугалась – и не думай ты:
 Как ни в чём ни бывало опять
 Продолжает его целовать.

Ах, как скоро миновали эти радости. Явился человек из чужой страны, он удивительно много путешествовал. У него была длинная борода, глубоко сидящие глаза под кустистыми страшными бровями. На нём было диковинное платье, спадавшее многими складками, на нём были вытканы странные узоры. Он присел перед домом родителей Гиацинта. Гиацинту стало любопытно, он подсел к нему и угостил его хлебом и вином. Тот расправил тогда свою белую бороду и до глубокой ночи повёл

свой рассказ, а Гиацинт не отходил от него ни на шаг и всё продолжал слушать. Судя по тому, что потом стало известно, он много рассказывал о чужих странах, незнакомых местностях, об удивительных и странных вещах. Он оставался три дня и спускался с Гиацинтом в глубокие шахты.

Ну и проклинала же Розочка старого колдуна, потому что Гиацинт был совсем зачарован его разговорами, ни о чём больше не думал и даже почти ничего не ел. Наконец, тот исчез, оставив Гиацинту свиток, который ни один человек не мог разобрать. Гиацинт же дал ему на дорогу плодов, хлеба и вина и далеко проводил его. А вернулся в глубокой задумчивости и стал вести совсем новый образ жизни. На Розочку смотреть было жалко, потому что с этого времени он не обращал на неё никакого внимания и всё время оставался один.

Но вот однажды случилось, что он пришёл домой, как будто вновь родился. Он бросился на шею своим родителям и расплакался. «Я должен уйти в чужие страны, - говорил он, - необыкновенная старая женщина в лесу посоветовала мне, как выздороветь, она бросила книжку в огонь, велела мне отправляться к вам и просить у вас благословения. Может быть, я вернусь скоро, а может быть, никогда. Кланяйтесь Розочке. Я поговорил бы с ней, но не знаю, что со мной, что-то гонит меня прочь. Если я начинаю вспоминать о старом времени, то врываются более мощные мысли, я теряю покой, а с ним сердце и любовь, я должен их снова найти. Я сказал бы вам, где, но и сам не знаю. Там, где живёт мать всех вещей, дева под покрывалом. По ней пылает моя душа. Прощайте». Он вырвался и ушёл. Его родители сетовали и проливали слёзы, Розочка оставалась в своей светелке и горько плакала.

Гиацинт же бежал что было мочи по долинам и чашам, через горы и потоки, направляясь к таинственной стране. Он повсюду расспрашивал людей и зверей, скалы и деревья о святой богине (Изиде). Иные смеялись, иные молчали, и нигде не получал он ответа. Сначала его путь лежал через суровую и дикую страну; туман и облака бросались ему поперёк дороги, буря не прекращалась. Потом он попал в необозримые песчаные пустыни, в раскаленную пыль. И по мере того, как он продвигался, менялась его душа, время стало для него удлиняться, внутреннее беспокойство улеглось; он сделался мягче, а могучий, бушевавший в нём порыв перешёл постепенно в тихое, но сильное стремление, в котором растворилось всё его существо. Он словно долгие годы оставил позади себя.

Меж тем и местность становилась богаче и разнообразней, воздух тёплым и голубым, дорога ровнее, зелёные кустарники манили его своей приветной тенью, но он не понимал их языка, да они как будто ничего и не говорили. И всё же они наполняли и его сердце зелёным цветом и прохладной тишиной. Всё выше вздымалось в нём сладостное томление, и всё шире и сочнее становились листья, всё голосистей и резвей птицы и звери, плоды благоуханней, небо темнее, воздух теплее и горячей его

любовь. Время бежало всё быстрее, словно приближалось к цели. Однажды он набрёл на хрустальный ключ и на множество цветов, которые спускались в долину между чёрными, продирающими небо колоннами. Они ласково приветствовали его знакомыми словами.

«Милые земляки, - сказал он, - где бы мне найти священную обитель Изиды? Где-нибудь здесь поблизости должна она быть, а вам, верно, всё здесь более знакомо, чем мне». «Мы тоже здесь только мимоходом, - отвечали цветы, - семья духов отправилась в путь, и мы готовим ей дорогу и пристанище, но мы только что проходили через местности, где называлось её имя. Пройди наверх, откуда мы идём, и ты, наверное, узнаешь больше». Цветы и ключ улыбнулись, произнося эти слова, предложили ему испить свежей влаги и пошли дальше.

Гиацинт последовал их совету, спрашивал и переспрашивал и дошёл, наконец, до давно искомой обители, скрывавшейся под пальмами и иными редкостными растениями. Сердце его билось в бесконечном томлении, сладчайший трепет пронизывал его насквозь в этом жилище вечных времён года. Овеянный небесными благоуханиями, он уснул, потому что только сон мог ввести его в святая святых. Причудливо, сквозь бесчисленные покои, полные диковинных предметов, нёс его сон на крыльях чарующих звуков и в смене аккордов. Всё представлялось ему таким знакомым и всё же в невиданном великолепии, наконец, исчез и последний земной налет, словно растворившийся в воздухе, и он стоял перед небесной девой. Тогда поднял он лёгкий блестящий покров, и Розочка упала в его объятия.

Далёкая музыка окружала тайны любовной встречи, излияния тоски и не допускала ничего чуждого в пределы этого восхитительного приюта.

Впоследствии Гиацинт ещё долго жил с Розочкой в кругу счастливых родителей и сверстников, и бесчисленные внучата благодарили чудную старую женщину и за её совет, и за её огонь; ибо в те времена у людей рождалось столько детей, сколько они хотели.

Вопросы к занятию:

1. Роль сказки в литературе немецкого романтизма. Навалис о сказке.
2. Что роднит эту сказку с фольклорной и что отличает от нее?
3. Образ Гиацинта как модель романтического героя.
4. Сюжет сказки и этапы внутреннего развития героя.
5. Символические образы в сказке. Их значение.
6. Пространственные и временные категории в сказке.
7. Особенности повествовательной манеры. Найти в тексте метафоры, олицетворения, примеры романтической синэстезии.
8. Значение сна и смысловой итог сказки.

Литература:

1. Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – С. 94-107.
2. Ботникова А.Б. Барометр романтического сознания / А.Б. Ботникова // Немецкий романтизм : диалог художественных форм. – Воронеж, 2004. – С. 95-112.
3. Ботникова А.Б. О жанровой специфике немецкой романтической сказки / А.Б. Ботникова // Немецкий романтизм : диалог художественных форм. – Воронеж, 2004. – С. 113-124.
4. Ботникова А.Б. Сказка немецкого романтизма // Deutsche romantische Märchen. - М. : Прогресс, 1980. – С. 5-32.
5. Ботникова А.Б. О жанровой специфике немецкой романтической сказки / А.Б. Ботникова // Взаимодействие жанра и метода в зарубежной литературе XVIII-XX веков. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1982. – С. 3-23.

Занятие № 2

Особенности романтического мироощущения и стиля

**Шатобриан
Рене
(отрывок)**

... Меня порицают за непостоянство вкусов, за то, что я неспособен тешиться одной и той же химерой и подвластен воображению, так неуёмно спешащему исчерпать любое удовольствие, как будто сама деятельность его является невыносимой; меня обвиняют в том, что я беспрестанно мчусь мимо цели, которой могу достигнуть. Увы! Одержимый слепым влечением, я ищу лишь некоего неизведанного блага. Моя ли вина, если повсюду я нахожу пределы, если всё завершённое не имеет ценности в моих глазах? Однако же мне приятно бывает однообразие повседневных переживаний и чувств, и если бы я ещё подвержен был безумию верить в счастье, то искал бы это счастье в привычке.

Совершенное одиночество и беспрестанное созерцание природы вскоре привели меня в состояние, описать которое почти невозможно. Не имея на земле, так сказать, ни родича, ни друга, не изведав ещё любви, я страдал от избытка жизненных сил. По временам лицо моё внезапно покрывалось румянцем, и я чувствовал, как из сердца моего по всему телу растекаются потоки пылающей лавы. Иногда мне случалось издавать

невольные крики, а в ночи меня одинаково смущали и бдение, и сны. Не хватало мне чего-то, чем я мог бы наполнить бездонную пустоту моего существования; я спускался в долину, я поднимался на гору, призывая к себе всей силой желая идеальный предмет будущей страстной любви. Я лобзал его, открывая уста свои ветру; голос его слышался мне в голосе потока. Этим воображаемым призраком становилось всё – даже звёзды небесные, даже само жизненное начало вселенной.

Всё же это состояние покоя и вместе с тем смятения, нужды и одновременно богатства не лишено было очарования. Как-то раз нашёл я забаву в том, что обрывал листки с ивовой ветки и бросал их в ручей, причём каждый листок, уносимый потоком, связывался в моём представлении с какой-нибудь мыслью. Король, опасаясь потерять корону из-за внезапно вспыхнувшей революции, не ощущает тревоги мучительнее той, которую чувствовал я при каждой случайности, грозившей листикам с моей ветки. О слабость смертного человека!

О ребячливость сердца человеческого, которое не стареет! Так вот на какую ступень чисто детского состояния может спуститься наш горделивый разум! Но ведь правда, что многие люди связывают свою судьбу с вещами не более ценными, чем ивовые листочки.

Как же, однако, смогу я выразить всё обилие тех беглых ощущений, которые овладевали мною во время моих прогулок? Звучания, которыми страсти отдаются в пустоте одинокого сердца, подобны неясному ропоту ветров и вод среди безмолвия пустыни: ими можно наслаждаться, но их нельзя передать.

В столь неустойчивом душевном состоянии застигла меня осень: с восторженным чувством встретил я месяцы непогоды. То хотелось мне быть одним из древних воинов, блуждающих среди ветров, туманов и призраков; то завидовал я даже участи пастуха, который грел себе руки над слабым огнём костра, сложенного из тонкого хвороста. Я внимал его грустной песне, напоминавшей мне о том, что во всех странах песни людские печальны даже тогда, когда выражают радость. Сердце наше – несовершенный музыкальный инструмент, лира, на которой не хватает струн, почему мы должны петь о радости на мотив, предназначенный для жалоб.

Днём я блуждал в поросших вереском полях, за которыми начинались леса. Какая малость требовалась, чтобы навеять на меня грёзы! Достаточно было сухого листка, гонимого предо мною ветром, хижины, над которой к оголённым верхушкам деревьев поднимался дымок, ключев мха на стволе дуба, дрожавших под холодным дуновением севера, утёса, высившегося в стороне, пустынного пруда, где нашептывали что-то поблекшие камыши! Часто привлекала мои взгляды одинокая колокольня, возвышавшаяся далеко в глубине долины; часто, подняв голову, следил я глазами за перелётными птицами. Я представлял себе дальние берега,

чужие страны, куда они улетают, я хотел обладать их крыльями и тоже устремиться вдаль. Тайное чувство смущало меня: сам я, чудилось мне, странник, но голос, звучащий с неба, казалось, говорил: «Человек! Не наступило для тебя время странствия. Подожди, поднимется ветер смерти, и тогда устремись ты свой лёг в неведомые края, которых алчет твоё сердце».

Поднимитесь же поскорее, желанные бури, которым суждено увлечь Рене в просторы новой жизни! Твердя эти слова, я шёл быстрыми шагами, лицо моё пылало, ветер свистел в волосах, я не ощущал ни влаги дождевых капель, ни холода утренних заморозков, зачарованный, смятённый и словно одержимый демоном, что царил в моём сердце.

По ночам, когда дыхание аквилона колебало мою хижину, когда в окно я видел луну, бороздящую густые облака, словно лучистый корабль, разрезающий волны, мне казалось, что всё существо моё начинает жить с удвоенной силой, что я обладаю силой, способной творить миры. Ах, если бы я мог разделить с кем-нибудь переполнявший меня восторг! О Боже, хотя бы даровал Ты мне подругу под стать моим желаниям, хотя бы привёл Ты ко мне, как некогда к праотцу нашему, некую Еву, созданную из моей плоти... Небесная красота! Я распростёрся бы у ног твоих, а потом, заключив тебя в объятия, стал бы молить Предвечного отдать тебе весь остаток моей жизни!

Увы! Одиноким, одиноким был я на земле! Какая-то слабость понемногу овладевала моим телом. Отвращение к жизни, которое бывало у меня в детские годы, вернулось ко мне с новой силой. Вскоре сердце моё перестало давать пищу уму, и я замечал, что продолжаю существовать только потому, что испытываю глубочайшее чувство скуки...

Внимательно прочитайте отрывок и продумайте ответы на следующие вопросы:

1. Можно ли на основании приведенного отрывка сделать заключение об образе героя? Что можно сказать о нем?
2. Что говорит Рене о своих чувствах и чувствах человеческих вообще?
3. Какими средствами передается душевное состояние героя? Найти в тексте примеры самохарактеристики Рене.
4. Какое настроение доминирует в отрывке? Какими художественными средствами оно выражено? Обратит внимание на картины природы и охарактеризовать их.
5. Тема смерти в отрывке.
6. Как можно определить центральную конфликтную ситуацию отрывка?
7. Стиль повествования. Интонация повествования. Выделить тропы: аллегории, метафоры, перифразы и дать им характеристику. Лексика.

Для подготовки к занятию рекомендуется прочитать соответствующий раздел в учебнике, однако задание предполагает в основном самостоятельную работу студента с текстом.

Занятие № 3

Образ героя и жанровое своеобразие романтической поэмы.

Байрон

Корсар

Из Песни первой

II

Там на Пиратском острове, средь скал,
Когда костёр бивачный полыхал,
Гремела речь о доле удальца,
Ложась, как песня, в грубые сердца!
Рассыпавшись по золоту песка,
Кто пел, кто пил, кто кровь счищал с клинка,
Достав из общей груды свой кинжал,
И, видя кровь, никто не задрожал.
Те руль строгали, те чинили бот;
Иной бродил задумчиво у вод;
Иные птицам ставили силок
Иль мокрый невод стлали на припек;
Кто с алчным взором на море глядел,
Где, показалось, парус забелел;
Те – о былых вели победах речь
Или гадали в жажде новых встреч;
Но что гадать? Всё – дело вожака,
Всё им укажет властная рука.
Но кто ж вожак? прославленный пират, -
О нём везде со страхом говорят.
Он чужд им, он повелевать привык;
Речь коротка, но грозен взор и лик;
И на пирах его не слышен смех,
Но всё ему прощают за успех;
Вином он кубок не наполнит свой
И не разделит чаши круговой;
Его еда – кто всех грубей, и тот
Её с негодованьем оттолкнёт:
Лишь чёрный хлеб, да горстка овощей,

Да изредка – дар солнечный лучей –
 Плоды, вот весь его убогий стол,
 Что и монах бы за беду почёл.
 Но, от услад животных далека,
 Суровостью душа его крепка:
 «Правь к берегу». – Готово. – «Сделай так». –
 Есть. – «Все за мной». – И разом сломлен враг.
 Вот быстрота и слов его и дел;
 Покорны все, а кто спросить посмел –
 Два слова и презренья полный взгляд
 Отважного надолго усмирят.

III

«Корабль! Корабль!» надежды светлый знак.
 В трубу глядят – откуда он? Чей флаг?
 Нет, не добыча! Все ж ему привет:
 То наш корабль; гляди: на мачту вздет
 Кровавый флаг. Дуй крепче, аквилон,
 И до заката бросит якорь он.
 Обогнут мыс; он входит в наш залив,
 Надменный штевень в пену волн вонзив.
 Как гордо взмыли крылья парусов,
 Вовек не знавших бегства от врагов;
 Он по волнам несётся как живой
 И все стихии звать готов на бой.
 Кто б не презрел свист пуль и штормов бег,
 Чтоб капитаном стать на людный дек?

IV

Бежит по борту якорный канат,
 И паруса уже вдоль рей лежат;
 Легко качается корабль. Народ
 Глядит, как опустили быстрый бот,
 Сошли в него; всяк на весло налёг,
 Гребут, и киль врезается в песок;
 Приветный клик, и вот на берегу
 Рукопожатья в дружеском кругу,
 Расспросы, смех и шутки без конца –
 И скорый пир уже манит сердца!
 /.../

VI

«Где атаман? Мы с рапортом к нему, -

И встрече нашей, видно по всему,
 Недолгой быть, как вы ни рады нам.
 Веди, Жуан, к начальнику, а там,
 Покончив, мы попойку заведём
 И вам расскажем всё и обо всём».

Ползут пираты по уступам скал
 На мыс, где стан дозорной башни встал;
 Там заросли, там дикие цветы,
 Там свежий ключ, спадая с высоты
 Серебряной струёю на гранит,
 Встречает жизнь и путников поит.
 Они ползут... Кто близ пещеры той
 Стоит один, глядя в простор пустой,
 Склонясь на меч, задумчив и далёк?
 Как посох пастуха, всегда клинок
 В его руке... То Конрад! Как всегда –
 Один. Жуан, скажи, что мы сюда
 Пришли. Он видел бриг. Скажи, что есть
 У нас безотлагательная весть.
 Самим нам страшно, - знаешь, как он лют,
 Когда внезапно мысль его спугнут.
 /.../

VIII

Безропотно они спешат, опять
 Морскую ширь готовы рассекать.
 Покорны все: сам Конрад их ведёт.
 И кто судить его приказ дерзнёт?
 Загадочен и вечно одинок,
 Казалось, улыбаться он не мог;
 При имени его у храбреца
 Бледнели краски смуглого лица;
 Он знал *искусство власти*, что толпой,
 Всегда владеет, робкой и слепой.
 Постиг он приказаний волшебство,
 И, с завистью, все слушают его.
 Что верностью спаяло их, - реши!
 Величье Мысли! Магия Души!
 Затем успех, которым он умел
 Всех ослепить, и обаянье дел
 Отчаянных, что слабым он сердцам
 Тайком внушал, стяжая славу сам.
 Всегда так было, будет так всегда:

Лишь одному плод общего труда!
 Закон природы! Но пускай илот
 Простит тому, кому достался плод:
 О, знай он гнёт блистательных цепей,
 Он с долей примирился бы своей!

X

Несхож с героем древности, кто мог
 Быть зол, как демон, но красив, как бог, -
 Нас Конрад бы собой не поразил,
 Хоть огненный в ресницах взор таил.
 Не Геркулес, но на диво сложен
 Не выделялся крупным ростом он;
 Но глаз того, кто лица изучил,
 Его в толпе мгновенно б отличил:
 Глядящего он удивлял, - но что
 Таилось в нём, сказать не мог никто.
 Он загорел, но тем бледней чело,
 Что в черноту густых кудрей ушло;
 Порой, произвольно дрогнув, рот
 Изобличал таимых дум полёт,
 Но ровный голос и бесстрастный вид
 Скрывают всё, что он в себе хранит.
 Кто б мог без страха на него смотреть?
 Его лицо морщин покрыла сеть,
 Как будто он таил в душе своей
 Горение неведомых страстей.
 Да, это так! Единой вспышкой глаз
 Он любопытство пресекал тотчас:
 Едва ли кто, коль глянет он в упор
 Мог вынести его пытливый взор.
 Заметив, что за ним следят, стремясь
 Понять лица и тайн душевных связь,
 Он так на любопытного глядел,
 Что тот бледнел и глаз поднять не смел.
 И что бы выведать в нём удалось?
 Он взором сам умел пронизывать насквозь
 С усмешкой дьявольскою на устах,
 Чья ярость скрытая рождает страх;
 Когда ж в нём гнев вздымался невзначай,
 Вздыхало Милосердие: «Прощай!»
 /.../

XI

Но не природа Конраду дала
Вести злодеев, быть орудьем зла;
Он изменился раньше, чем порок
С людьми и небом в бой его вовлѣк.
Он средь людей тягчайшую из школ –
Путь разочарования – прошѣл;
Для сделок горд и для уступок твѣрд,
Тем самым он пред ложью был простѣрт
И беззащитен. Проклял честность он,
А не бесчестных, кем был оболъщѣн.
Не верил он, что лучше люди есть
И что отрадно им добро принесть.
Оттолкнут, оклеветан с юных дней,
Безумно ненавидел он людей.
Священный гнев звучал в нём как призыв
Отмстить немногим, миру отомстив.
Себя он мнил преступником, других –
Таковыми же, каким он был для них,
А лучших – лицемерами, чей грех
Трусливо ими спрятан ото всех.
Он знал их ненависть, но знал и то,
Что не дрожать пред ним не мог никто.
Его – хоть был он дик и одинок –
Ни сожалеть, не презирать не мог
Никто. Страшило имя, странность дел;
Всяк трепетал, но пренебречь не смел:
Червя отбросит всякий, но навряд
Змеи коснѣтся, затаившей яд.
Червь отползѣт: он повредить не мог;
Она ж издохнет, оплеться вокруг ног,
Но жало всё ж она вонзит своё,
Несчастному не скрыться от неё!

XII

Нет злых вполне. И он в душе таил
Живого чувства уцелевший пыл;
Не раз язвил он страстные сердца
Влюблённого безумца иль юнца,
Теперь же сам свою смирял он кровь,
Где (даже в нём) жила не страсть – любовь.
Да, то была любовь, и отдана
Была одной, всегда одной она.

Прекрасных пленниц он видал порой,
 Но проходил холодный и чужой;
 Красавиц много плакало в плену,-
 Он не увлѣк в покой свой ни одну.
 Да, то была любовь, всегда нежна,
 Тверда в соблазнах, в горестях верна,
 Всѣ та ж в разлуке и под вихрем бед
 И – о, венец! – нетленна в смене лет.
 Что крах надежд ему, что боль обид,
 Когда *она* с улыбкою глядит?
 Стихал мгновенно ярый гнев при ней,
 И стон смолкал, - пусть раны жгли сильней.
 Ждал жадно встреч он, твёрдо ждал разлук,
 Стараясь лишь не уделить ей мук.
 Та страсть была всегда всѣ та ж и вновь,
 И если есть любовь – то вот любовь.

XVI

...Он слышит бриз попутный, видит бриг;
 Все силы духа он собрал в тот миг,
 Ускорив шаг. Когда ж его ушей
 Коснулся шум погрузки, скрип снастей,
 Все звуки смуты береговой,
 Слова команды, весел плеск живой;
 Когда на мачту юнга влез пред ним,
 И вздулся парус выгибом тугим,
 И каждый с побережья замахал
 Платками тем, кто будут пенить вал,
 И взмыл кровавый флаг, - как хладно он
 Был слабостью недавней удивлѣн!
 С огнѣм в глазах и с сердцем ледяным,
 Он чувствует, что стал собой самим;
 Летит он; мчится, и замедлить смог
 Лишь там, где скалы сходят на песок,
 Безумный шаг; но не затем, чтоб грудь
 Могла вольней прохладный бриз вдохнуть,
 А чтоб вернуть медлительную стать
 И пред толпой смятенным не предстать:
 Он знал искусство покорять сердца
 Надменной маской хладного лица;
 Он сух и замкнут – и нескромный взгляд
 Его черты отводят иль страшат;
 Его движенья, непреклонный взор

Всегда учтивы, но таят отпор;
 И всякий знал: не слушаться нельзя.
 Когда ж хотел он очаровать, - скользя
 В сердца людей той музыкаю слов,
 Что шла от сердца, - всякий был готов
 Ему внимать, бессилен и смущён,
 Дарами доброты обворожён.
 Но к этому он редко снисходил:
 Он не пленять – повелевать любил.
 Дурным страстям предавшись, с юных дней
 Ценил он страх, а не любовь людей...

Прочитав всю поэму и внимательно вчитавшись в приведенный отрывок из 1-й песни, ответить на следующие вопросы:

1. Что известно о прошлом Конрада? Каково его положение в настоящее время. Насколько мотивированы его действия и поступки?
2. Отношение Конрада к окружающим (Медора, Гюльнар, пираты).
3. Средства создания образа романтического героя. Атмосфера тайны. Портрет, его особенности. Роль сюжета: обстоятельства, в которых раскрывается характер героя.
4. Авторские характеристики героя. Найти в тексте места, свидетельствующие об отношении автора к герою.
5. Место образа главного героя в композиции поэмы.
6. Тема природы и способ ее подачи в поэме.
7. Элементы драмы в композиции поэмы.
8. Язык и стиль повествования. Особенности языка действующих лиц, авторских реплик и отступлений. Характер сравнений и эпитетов.
9. Интонация повествования. Показать на примерах.
10. Роль лирических отступлений. Найти их в тексте и прокомментировать.

Литература:

1. Елистратова А. А. Байрон / А. Елистратова. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. - С. 71-86.
2. Кургинян М. Джордж Байрон / М. Кургинян. - М., 1958.
3. Дьяконова Н.Я. Английский романтизм / Н.Я. Дьяконова. - М. : Наука, 1978. - С. 111-114.

Занятие № 4

Проблема романтической иронии**Э.Т.А. Гофман «Житейские воззрения Кота Мурра вкупе с фрагментами биографии капельмейстера Иоганнеса Крейсlera, случайно уцелевшими в макулатурных листах» (отрывок)**

/ М.пр./ ...к описанию того удивительного события, что, говоря языком остроумных биографов, составило эпоху в моей жизни.

Читатели! Юноши, мужчины, женщины! Если под вашей шкуркой бьётся чувствительное сердце, если в вас живёт тяга к добродетели, если вам дороги сладостные узы, которыми опутывает нас природа, то вы поймёте и полюбите меня!

Стояла жаркая погода, я весь день провалялся под печкой. Но с наступлением сумерек в открытое окно кабинета заструился освежающий ветерок. Едва я стряхнул с себя сон, грудь моя расширилась, проникнутая неизреченным чувством, грустным и вместе радостным, что будит в нас самые сладкие упования. Обуреваемый этими чувствами, я выгнул спину выразительным движением, каковое бездушные люди прозвали «кошачьим горбом». Прочь, прочь отсюда – меня потянуло на лоно природы; я отправился на крышу и стал прогуливаться в лучах заходящего солнца. Вдруг из слухового окошка донеслись до меня нежные, какие-то знакомые и влекущие звуки; что-то неведомое с необоримой силой влекло меня вниз. Я оставил прекрасную природу и пролез на чердак. Спрыгнув, я тотчас же увидел большую красивую кошку в чёрных и белых пятнах, сидевшую в удобной позе на задних лапках; она-то издавала те манящие звуки и теперь обвела меня пронизательным, испытующим взглядом. Я немедленно сел против неё и, следуя внутреннему побуждению, постарался попасть в лад песне, столь звучно начатой чёрно-белой красавицей. Мне это удалось, должен признаться, как нельзя лучше; вот тогда-то – оповещаю о том психологов, кои вознамерятся изучать мою жизнь, - и родилась моя вера в свой скрытый музыкальный талант, и, что вполне понятно, вместе с верой возник и самый талант. Пятнистая кошка смотрела на меня всё более пристально и пытливо, потом вдруг смолкла и одним мощным прыжком бросилась ко мне. Не ожидая ничего доброго, я выпустил было когти, но в тот же миг светлые слёзы брызнули из глаз пёстрой красавицы, и она воскликнула:

- О сын мой, сын мой! Приди, спеши в мои лапы! – Обняв меня и пылко прижимая к груди, она продолжала: - Да, это ты, ты, моё чадо, моё прекрасное чадо, которое я без всяких мук произвела на свет!

Я был взволнован до глубины души, и уж это одно доказывало, что пёстрая особа и впрямь моя мать; тем не менее я решился спросить её, вполне ли она в этом уверена?

- Ах, это сходство, - заговорила пятнистая кошка, - эти глаза, эти черты, эти баки, эта шерстка – все так живо напоминает неблагодарного, покинувшего меня изменника. Ты – точный портрет своего отца, милый Мурр (ведь так тебя зовут?). Но я надеюсь, что вместе с красотой отца ты унаследовал и более краткий образ мыслей, мягкий нрав твоей матери Мины. У отца твоего была внушительная осанка, на челе лежал отпечаток особого достоинства, зелёные глаза сверкали умом, на устах часто играла приятная улыбка. Его обворожительная внешность, его бойкий ум и изящная лёгкость, с какой он ловил мышей, пленили моё сердце. Но в скором времени обнаружился его жёсткий, тиранический нрав, который ему поначалу удавалось скрывать. С ужасом убедилась я в этом! Едва ты родился, как у отца твоего возникло чудовищное желание сожрать тебя вместе с твоими братцами и сестрицами.

- Милая маменька, - прервал я речь пёстрой кошки, - милая маменька, не клеймите слишком строго эту склонность. Просвещеннейший народ на земле приписывает самим богам странное желание поедать собственных детей, - спасся тогда один Юпитер, и вот теперь я!

- Не понимаю тебя, сын мой, - возразила Мина, - но сдаётся мне, что ты болтаешь вздор. Уж не пытаешься ли ты оправдать своего отца? Не будь неблагодарным, кровожадный тиран непременно задушил бы и сожрал тебя, не защищай я храбро своих детей вот этими острыми когтями, не прячь я вас то здесь, то там – в погребе, на чердаке, в хлеву от преследования противоестественного чудовища. В конце концов он бросил меня, и больше я его никогда не видела. И всё же любовь к нему не совсем угасла в моём сердце! Какой это был бравый кот! По его почтенной наружности, по изысканным манерам многие принимали его за путешествующего графа. Я надеялась, что отныне заживу тихой, спокойной жизнью в тесном кругу семьи, посвятив себя материнским заботам. Но меня ждал ещё один страшный удар. Возвратившись однажды домой после короткой прогулки, я не нашла ни тебя, ни твоих братьев и сестёр. За день до того какая-то старуха обнаружила наше укромное гнездышко, и я слышал, как она грозилась побросать вас в воду! Какое счастье, что ты, сыночек, спасся! Приди ещё раз в мои объятия, дорогой!

Пятнистая маменька осыпала меня самыми неземными ласками, а потом стала в подробностях расспрашивать об обстоятельствах моей жизни. Я рассказал ей всё, не забыв упомянуть о моей высокой образованности и о том, как я её достиг.

Но Мина, против ожидания, была не слишком обрадована редкими талантами сына. Мало того, она даже недвусмысленно дала мне понять, что я со своим выдающимся умом и глубокой учёностью попал на ложный путь и что меня он может привести к гибели. В особенности она меня предостерегала от маэстро Абрагама – я никоим образом не должен был обнаруживать при нём приобретённых знаний, ибо он не применит

воспользоваться ими, чтобы закабалить меня в самом мучительном рабстве.

- Я, разумеется, не могу похвалиться такой образованностью, как ты, - заговорила Мина, - но и я не лишена врождённых способностей и некоторых приятных, дарованных мне природой талантов. К ним я причисляю, например, умение испускать искры из шкурки, когда меня гладят по спине. И сколько же неприятностей принёс мне один и тот же талант! И дети, и взрослые наперерыв треплют мою спинку, желая полюбоваться фейерверком, мучают меня, а если я недовольно отпряну или покажу когти, меня же честят пугливым, диким зверем, а то и прибьют. Как только маэстро Абрагам узнает, что ты умеешь писать, милый Мурр, он тотчас же сделает тебя своим писцом, и то, что теперь ты делаешь по своему желанию и для своего удовольствия, станет докучной повинностью.

Долго ещё рассуждала Мина о моих взаимоотношениях с хозяином и о моей образованности. Лишь позднее я убедился, что не отвращение к науке, а подлинная житейская мудрость говорила тогда устами моей пёстрой матушки.

Я узнал, что Мина живёт у старухи-соседки в очень стеснённых обстоятельствах и что порой ей лишь с грехом пополам удаётся утолить голод. Я был глубоко растроган, сыновняя любовь проснулась во мне со всей силой и, вспомнив о роскошной селёдочной голове, оставшейся от вчерашнего ужина, я решил преподнести её столь неожиданно обрётённой милой мамёнке.

Но как постичь всю изменчивость сердца тех, кто живёт в нашем бренном мире? Зачем не оградила судьба грудь нашу от такой игры необузданных страстей? Зачем нас, тоненькие, колеблющиеся тростинки, сгибает вихрь жизни? То наш неумолимый рок! «О аппетит, имя тебе – Кот!» С селёдочной головой в зубах вскарабкался я, новоявленный *pius Aeneas* / Благочестивый Знейлат. / на крышу и уже собрался залезть в слуховое оконце. Но тут я пришёл в такое состояние, когда моё «я», странным образом ставшее чуждым моему «я», вместе с тем оказалось моим истинным «я». Полагаю, что выразился достаточно ясно и определённо, так что всякий в описании этого моего странного состояния увидит психолога, способного проникнуть в самые недра человеческого духа! Итак, я продолжаю!

Необыкновенное чувство, сотканное из желания и нежелания, помutilo мой разум и завладело мною – сопротивляться далее было невозможно, - я сожрал селёдочную голову!

В тревоге прислушивался я к мяуканью Мины, в тревоге прислушивался, как жалостно звала она меня по имени... Раскаяние, стыд терзали меня, я вскочил обратно в комнату хозяина и забился под печь. Меня преследовали самые страшные видения. Передо мною витал образ

Мины, вновь обретенной пятнистой мамаша, безутешной, покинутой, страстно жаждущей обещанного угощения, близкой к обмороку... Ах! Мина...Мина...» – завывал ветер в дымовой трубе. «Мина...» – шелестели бумаги хозяина, скрипели хрупкие бамбуковые стулья. «Мина...Мина...» - плакала печная заслонка... О, какое горькое чувство раздирало мне сердце! Я решил при первой возможности пригласить бедняжку выкушать со мною блюдо молока. Прохладной, благодатной тенью снизошёл на меня при этой мысли блаженный покой... Я прижал уши и... заснул!

О вы, чувствительные души, вы, постигшие меня до конца! Если только вы не ослы, а истые порядочные коты, то вы, я уверен, поймёте, что эта буря в груди очистила небо моей юности, подобно тому как благодетельный ураган рассеивает мрачные тучи и раскрывает лазурный горизонт. Да, селёдочная голова легла вначале тяжким бременем на мою душу, но зато я осознал, что такое аппетит и какое это кощунство противиться матери-природе. Всяк ищи себе селёдочные головы сам и не покушайся на добычу соседа, ведомый верным чутьём аппетита, он уж как-нибудь припасёт её для себя.

Так я заключаю этот эпизод моей жизни...

/ Мак. л. / ...нет ничего более досадного для историографа или биографа, как носиться сломя голову, будто верхом на необъезженном жеребце, по полям и луга, по холмам и оврагам, постоянно мечтая выехать на проторенную дорогу и никогда на неё не попадая. Таково приходится и человеку, взявшему на себя труд рассказать тебе, любезный читатель, всё, что довелось ему узнать об удивительной жизни капельмейстера Йоганнеса Крейсера. Охотнее всего он начал бы так: «В маленьком городке Н., или Б., или К., в духов день или на пасху такого-то года Йоганнес Крейслер увидел свет!» Но о столь прекрасном хронологическом порядке нечего и мечтать, когда в распоряжении несчастного рассказчика имеются лишь сообщённые изустно, отдельными крохами, сведения, которые надо немедленно записать, чтобы они не улетучились из памяти. Каким образом накапливались эти сведения, ты, дражайший читатель, узнаешь, прежде чем доберёшься до конца книги, и тогда, возможно, извинишь её рапсодический стиль, а быть может, - кто знает, - даже убедишься, что вопреки кажущейся отрывочности, всё же некая крепкая нить связует все её части воедино.

Но покуда я только и могу рассказать, что вскоре после того, как князь Иринея поселился в Зигхартсвейлере, в прекрасный летний вечер принцесса Гедвига с Юлией прогуливались по живописному парку Зигхартсгофа. Заходящее солнце словно набросило на лес прозрачное золотое покрывало. Ни один листик не шелохнулся. Истомленные предчувствием, деревья и кусты застыли в молчании, будто ожидая ласки вечернего зефира. Только плескание речного ручья, прыгавшего по белым

камушкам, возмущало глубокую тишину. Взявшись под руки, девушки безмолвно брели по узким, обсаженным цветами дорожкам, через мостики, перекинутые над причудливыми извилинами ручья, и наконец достигли границы парка, - большого озера, в которое гляделись живописные развалины далёкого Гейерштейна.

- Как здесь красиво! – растроганно проговорила Юлия.

- Зайдём в рыбацью хижину, - предложила Гедвига. – Солнце печёт невыносимо, а оттуда, особенно из среднего окна, вид на Гейерштейн ещё прелестней. /.../

... Принцесса улыбнулась, но не успела приоткрыть розовые уста, чтобы ответить кроткой, безыскусственной Юлии, как совсем рядом раздались аккорды дикой, неистовой силы; даже не верилось, что играют на простой гитаре.

Принцесса замолкла, и они с Юлией выбежали из хижины.

Теперь они ещё явственней услышали мелодии, бурно сменявшие одна другую и связанные самыми причудливыми модуляциями, самой необычной чередой аккордов. К игре присоединился звучный мужской голос, который то изливался в сладостной итальянской песне, то, внезапно оборвав, переходил на серьёзную, мрачную мелодию, то пел речитативом, с особенным выражением подчёркивал слова.

Вот гитару настраивают... опять аккорды... вот они оборвались... снова настраивают... потом громкие, словно в гневе произнесённые слова... опять мелодии... и опять настраивают.

Любопытствуя, что за чудный виртуоз перед ними, Гедвига и Юлия подкрадывались всё ближе и ближе, пока не увидели человека в чёрном платье, сидевшего спиной к девушкам на скале у самого озера; он продолжал увлечённо играть, сопровождая игру пением и речами.

Только что он каким-то особенным способом перестроил гитару, попробовал взять несколько аккордов, то и дело восклицая: «Опять не то... нет чистоты... То чуть выше, то чуть ниже, чем надо».

Он схватил обеими руками инструмент, висевший через плечо на голубой ленте, отвязал его и, держа перед собой, начал:

- Скажи, маленькая упрямица, где, собственно, твоё сладкозвучие, в какой уголок твоего существа запряталась чистая гамма? Или ты вздумала бунтовать против своего хозяина, уверяя, будто слух его убит насмерть ударами молота темперированного строя, а его энгармония – лишь ребяческая забава? Ты издеваешься надо мной... /.../. Или ты настолько дерзка и надменна, что думаешь, будто обитающие в тебе колдовские духи послушны лишь могучим чарам волшебников, давным-давно покинувшим этот мир, и что в руках жалкого ничтожества...

При этих словах человек вдруг умолк, вскочил и, глубоко задумавшись, долго не отрывал взора от зеркальной глади озера. Девушки,

поражённые странным поведением незнакомца, стояли за кустами, словно приросшие к месту и едва осмеливались дышать.

- Гитара! – взорвался он наконец. Да это самый жалкий, самый несовершенный инструмент, он годен разве только для влюблённых пастушков, потерявших амбушюр от свирели, иначе они, конечно, предпочли бы изо всех сил дуть в неё и будить эхо своими песнями, засылая жалобные мелодии в далёкие горы, навстречу своим Эммелинам, которые стоняют малых животных весёлым хлопаньем бича! О боже! Пастушки, «вздыхавшие, как печь», и певшие, скорбя, о прелести очей, вдолбите им, что трезвучие состоит всего-навсего из трёх звуков и что сразить его можно лишь кинжалом септимы, а потом уже дайте им в руки гитару! Но серьёзные люди, прилично образованные и высокие эрудиты. Посвятившие жизнь греческой философии и прекрасно знающие, что происходит при дворе в Нанкине и Пекине, ни черта не смыслят ни в овцах, ни в овчарнях, - к чему им вздохи и треньканье гитары? Что ты затеял, жалкий шут? Вспомни, блаженной памяти Гиппель уверял, что при виде человека, который обучает барабанить на фортепиано, ему кажется, будто тот взбивает белки... Ну, а тебе вздумалось тренькать на гитаре... шут... Жалкий шут! К чёрту!

С этими словами незнакомец швырнул гитару далеко в кусты и удалился быстрыми шагами, даже не заметив девушек.

- Ну, Гедвига, - после минутного молчания воскликнула Юлия, громко смеясь, - что ты скажешь об этом удивительном явлении? Откуда взялся этот чудак, который сперва так мило беседует со своим инструментом, а потом презрительно бросает его, будто сломанную игрушку?

- Это возмутительно, - сказала Гедвига, вспыхивая гневом, и бледные щёки её окрасились ярким румянцем, - это возмутительно, что ворота парка не запираются и любой прохожий может проникнуть сюда!

- Как, - удивилась Юлия, - по-твоему князь должен был запретить жителям Зигхартсвейлера, да и не только им, а всем, кто идёт мимо, наслаждаться самым живописным уголком во всей округе? Какая жестокость! Нет, ты не можешь этого желать!

- А опасность, которой мы из-за этого подвергаемся, для тебя ничто? – с ещё большим волнением продолжала принцесса. – Мы часто гуляем, как сегодня, по самым глухим аллеям парка, вдали от слуг! А что, если какой-нибудь злодей...

- Ай-ай-ай! – прервала принцессу Юлия. – Уж не боишься ли ты, что из-за кустов вдруг выскочит сказочный великан или разбойник и утащит нас в свой замок? Не дай Бог, конечно! Впрочем, сознаюсь, я не отказалась бы от маленького, забавного приключения в этом романтическом, таком уединённом лесу. Мне, кстати, пришла на память сцена из шекспировской «Как вам это понравится», - помнишь. Маменька

долго не разрешала нам притрагиваться к этой пьесе. Покамест наконец Лотарио не прочёл нам её вслух. Признайся, и ты бы с удовольствием на время превратилась в Селию, а уж я была бы твоей верной Розалиндой! Но какую же роль мы отведём нашему неизвестному виртуозу?

- Да, да, всё дело в этом, - воскликнула принцесса. – Верить ли, Юлия, его облик, его диковинные речи возбудили во мне какой-то непонятный ужас. Я до сих пор ещё в смятении, я вся во власти какого-то странного и тяжёлого чувства, всё моё существо будто сковано. Где-то в самом далёком, потаённом уголке души шевелится смутное воспоминание и напрасно силится выплыть наружу. Я уверена, что когда-то уже видела этого человека, и это связано с каким-то странным событием, воспоминание о котором до сих пор терзает моё сердце. Возможно, то был только кошмарный сон, запечатлевшийся в памяти... Так или иначе... человек этот... его необычное поведение... его бессвязные речи... он показался мне грозным призраком; кто знает, быть может, он намерен увлечь нас в гибельный круг своих колдовских чар.

- Какие химеры! Рассмеялась Юлия. – Что до меня, то я скорее обратила бы чёрное привидение с гитарой в мосье Жака или даже почтенного Оселка, чья философия сродни причудливым речам незнакомца... но сейчас прежде всего поспешим спасти бедняжку, которую этот варвар так безжалостно бросил в кусты!

- Ради всего святого, Юлия. Что ты делаешь? – закричала принцесса, но подруга, не слушая её, нырнула в чашу и через несколько минут возвратилась, с торжеством держа в руках гитару, брошенную незнакомцем.

Принцесса превозмогла робость и принялась очень внимательно разглядывать инструмент, редкая форма которого указывала на старинное его происхождение, не будь даже на нём даты и имени мастера, отчётливо вытравленных на деке и видных через розетку: «Сделано Стефано Пачини, Венеция, 1532».

Юлия не удержалась, ударила по струнам изящной гитары и почти испугалась полноты и силы звука, изданного таким маленьким инструментом.

- Прелесть, прелесть! – восхитилась она, не переставая играть. Но так как она привыкла на гитаре только аккомпанировать своему пенью, то вскоре незаметно для себя запела, продолжая идти вперёд. Принцесса в молчании следовала за ней. Юлия приостановилась, и тогда Гедвига попросила её:

- Пой, играй на этом волшебном инструменте, может быть, тебе удастся прогнать в преисподнюю злых духов, которые во вражде своей хотели завладеть мною!

- Опять ты о злых духах! Прочь от этой нечисти! Я петь хочу, я играть хочу, - ни один инструмент ещё не был мне так по руке и так послушен, как этот. Даже голос мой, думается. Звучит с ним гораздо лучше, нежели обычно. – Она начала известную канцонетту, украшая её излишними фьоритурами, смелыми руладами и каприччо, давая волю всему богатству звуков, таящихся в её груди.

Если принцесса за несколько минут до того испугалась при виде незнакомца, то Юлия едва не окаменела, когда он внезапно возник перед нею на повороте аллеи.

Человек этот, на вид лет тридцати, был одет в чёрное платье, сшитое по последней моде. В его костюме ничто не поражало, не бросалось в глаза, и всё-таки внешность его обличало нечто странное, необычное. В одежде, вообще опрятной, замечалась некоторая небрежность, но её можно было приписать не столько недостатку внимания, сколько тому, что человеку этому, видимо, пришлось неожиданно проделать путешествие, для которого не подходил его наряд. Жилет был расстёгнут, галстук развязался, башмаки так запылились, что золотые пряжки на них были почти незаметны, - вот каким предстал он перед девушками; вдобавок, защищаясь от солнечных лучей, он отогнул передние края маленькой треуголки, пригодной разве лишь для того, чтобы держать её под мышкой, и это придавало ему нелепый вид. Он, вероятно, пробирался сквозь непроходимую чашу парка, в спутанных чёрных волосах застряло множество еловых игл. Мельком взглянув на принцессу, он затем остановил одухотворённый, сверкающий взгляд на лице Юлии, отчего она ещё более смутилась: на ресницах даже заблестали слёзы, как это нередко бывало с нею в подобных случаях.

- И эти божественные звуки, - заговорил наконец незнакомец мягким, проникновенным голосом, - и эти божественные звуки смолкают при моём появлении и сменяются слезами?

Принцесса, стараясь побороть первое впечатление, сделанное на неё незнакомцем, окинула его высокомерным взглядом и проговорила довольно резко:

- Во всяком случае, нас изумляет ваше неожиданное появление здесь, сударь! В такую пору в княжеском парке уже не появляются чужие. Я — принцесса Гедвига.

При первых же словах принцессы незнакомец порывисто обернулся и теперь смотрел ей прямо в глаза. Лицо его сразу преобразилось, погасло выражение грустной мечтательности, исчезло без следа глубокое душевное волнение; странная кривая усмешка подчёркивала выражение глубокой иронии, придавая лицу нечто чудаковатое, даже шутовское. Принцесса запнулась, не dokonчив речи, будто её ударил электрический ток, вся залилась горячим румянцем и стояла, потупив глаза.

Незнакомец как будто хотел что-то сказать, но тут вмешалась Юлия:

- Ну разве я не глупая, бестолковая девчонка! Испугалась и расплакалась, словно проказливое дитя, которое тайком лакомится недозволенным! Да, сударь! Я действительно лакомилась чудесными звуками вашей гитары, - она во всём виновата, да ещё наше любопытство! Мы подслушали, как вы мило разговаривали с этой крошкой; и мы видели, как вы затем в гневе швырнули бедняжку в кусты и она громко, жалобно застонала... Меня это так глубоко опечалило, что я не утерпела, бросилась в кусты и подобрала чудесный, милый инструмент. Ну, и знаете, - как все девушки, я немного умею брэнчать на гитаре, пальцы так и потянулись к струнам, я не могла удержаться. Извините, пожалуйста, - вот ваш инструмент.

И Юлия протянула незнакомцу гитару.

- Это очень редкий, звучный инструмент, - сказал тот, - ещё добрых старых времён, но в моих неумелых руках... Да что там руки... Не в руках дело! Дивный дух гармонии, обитающий в этой редкостной маленькой вещице, живёт и в моей груди, но он заостенел, подобно куколке, и не может сделать ни одного свободного движения; только из вашей души, милая мадемуазель, вырывается он в светлые, небесные просторы, переливаясь, подобно сверкающей бабочке, тысячей радужных оттенков. Да, милая мадемуазель! Когда вы запели, вся страстная мука любви, весь восторг сладостных грёз, надежд, желаний, - всё это поплыло над лесом и живительной росой пало в благоуханные венчики цветов, в грудь внимающих вам соловьёв! Оставьте гитару у себя, - лишь вы одна повелеваете заключёнными в ней чарами!

- Но вы ведь бросили её, - заметила Юлия, вся покрасневшись.

- Да, это правда, - ответил незнакомец, быстро схватывая гитару и с жаром прижимая её к груди, - да, это правда, я выбросил её, но теперь беру назад, освящённую. Никогда больше не выпущу её из рук!

И опять на лице его появилась шутовская маска, и он заговорил тонким, резким голосом:

- Собственно говоря, судьба или, вернее, мой злой демон сыграли со мной роковую шутку, заставив явиться перед вами, дражайшие дамы, *ex abrupto* /внезапно – лат./, как говаривали латинисты и прочие учёные господа! Бога ради, светлейшая принцесса, соблаговолите окинуть меня взглядом с головы до ног. И вы соизволите убедиться по моему костюму, что я приготовился сделать ряд визитов. Да, я как раз собирался посетить Зигхартсвейлер и оставить в этом славном городке если не свою особу, то по крайности визитную карточку. О Господи! Уж не думаете ли вы, что у меня мало знакомств, светлейшая принцесса? Да разве гофмаршал родителя вашего не был когда-то моим близким другом? Я знаю, если бы он увидел меня здесь, то уж непременно прижал бы к своей атласной груди и, растрогавшись, попотчевал бы понюшкой табаку... Я бы, конечно, удостоился аудиенции у милостивейшего князя Иринея и был

бы представлен также и вам, принцесса. И так представлен, что готов прозакладывать мою самую лучшую коллекцию септаккордов против одной пощёчины – сумел бы заслужить ваше расположение. Но вот беда, - я вынужден сам представляться вам и в столь неподобающем месте: между утиным прудом и лягушачьим болотом. О Боже, научись я хоть немного колдовать, сумей я /вдруг – лат./ превратить эту благородную зубочистку /он достал зубочистку из жилетного кармана/ в блестящего камергера Иринеева двора, он схватил бы меня за шиворот и сказал бы: «Светлейшая принцесса, этот человек такой-то и такой-то!» Но теперь... *che far, che dir!* / Что делать, что говорить – итал./ ! Пощадите, пощадите, о принцесса, о благородные дамы и господа!

Незнакомец упал ниц перед принцессой и запел пронзительным голосом: «*Ah, pieta, signora!*» / Ах, сжальтесь, синьора! - итал./.

Принцесса подхватила Юлию и стремглав побежала с нею прочь, громко восклицая: «Он сумасшедший, сумасшедший, он сбежал из дома умалишённых!»

Уже возле самого дворца навстречу девушкам вышла советница Бенцон, и они, запыхавшись, едва не упали к её ногам.

- Что случилось? Ради всего святого, что с вами, кто вас преследует? – спросила она.

Принцесса была вне себя, она смогла лишь пролепетать несколько бессвязных фраз о сумасшедшем, который напал на них. Юлия спокойно и рассудительно доложила матери о происшествии и кончила тем, что вовсе не считает незнакомца сумасшедшим; скорей всего, он просто шутник и насмешник, вроде мосье Жака, и ему вполне подошла бы роль в «Арденнском лесу».

Советница Бенцон заставила её ещё раз повторить всё, выпрашивала мельчайшие подробности, просила описать походку, осанку, жесты, голос неизвестного.

- Да, - воскликнула она наконец, - это, конечно, он, только он и никто другой!

- Кто – «он», кто? – нетерпеливо спросила принцесса.

Успокойтесь, дорогая Гедвига, - ответила Бенцон, - напрасно вы так бежали – видите, даже задохнулись, - незнакомец, показавшийся вам столь опасным, отнюдь не сумасшедший. Как ни дерзка, как ни неуместна шутка, которую он себе позволил, а это вполне возможно при его причудливых манерах, я уверена, - вы помиритесь с ним непременно!

- Никогда! – воскликнула принцесса. – Никогда я не соглашусь увидеть хотя бы ещё один раз этого колючего шута!

- Ах, Гедвига! – рассмеялась Бенцон. – Какой только дух вложил в ваши уста слово «колючий». Оно к нему подходит более, чем вы сами думаете и подозреваете, - об этом говорит всё, что здесь только что произошло.

- Я тоже никак не пойму, милая Гедвига, - вмешалась Юлия, - за что ты так рассердилась на этого незнакомца? Даже в его шутовском поведении, в бессвязных речах было нечто, взволновавшее меня странным, но далеко не неприятным образом.

- Счастье твоё, - возразила принцесса, и слёзы показались у неё на глазах, - счастье твоё, что ты можешь оставаться такой невозмутимой и спокойной, моё же сердце больно ранят насмешки этого ужасного человека! Бенцон, кто он, кто этот безумец?

- Объясню вам всё в двух словах, - ответила Бенцон. – Когда лет пять тому назад я была в...

Продумать ответы на следующие вопросы:

1. Значение заголовка к роману.
2. Смысл соединения двух сюжетных линий в романе. Содержательная функция принципа иронии в композиции романа и стиле повествования.
3. Образ Мурра. Способы создания образа:
 - *Речь Мурра. Черты высокого стиля в его речи. Их функция. Выделить слова высокой лексики в речи Мурра, литературные и мифологические реминисценции, метафоры, перифразы, эпитеты и т.п. Определить значение просторечных слов и оборотов в «записках» Мурра.*
 - *Разница между предметом разговора и манерой повествования как основа комической трактовки образа.*
 - *Мурр о раздвоении личности. Ироническое толкование проблемы двойничества.*
4. Образ Крейслера. Средства создания образа:
 - *Внешность героя, его поведение.*
 - *Отношение к Крейслеру других действующих лиц.*
 - *Речь Крейслера, ее особенности.*
 - *Стилистическая организация отрывка, посвященного Крейслеру.*
5. Тема музыки в отрывке. Ее стилистическое оформление.
6. Характер описания природы в отрывке.
7. Позиция рассказчика в повествовании.
8. Принцип романтической иронии.

Литература:

1. История немецкой литературы в 5-ти томах. - М. : Наука, 1966. Т. 3. - С. 209-230.
2. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии / Н.Я. Берковский. - Л. : Худож. лит., 1973. - С. 83-93, 525-537.

3. Чавчанидзе Д.Л. Романтический мир Гофмана / Д.Л. Чавчанидзе // Художественный мир Э.Т.А. Гофмана. – М. : Наука, 1982. - С.62-80.
4. Ботникова А.Б. Романтическая ирония и разрушение монологизма / А.Б. Ботникова // Немецкий романтизм : диалог художественных форм. – Воронеж, 2004. - С. 47-52.
5. Ботникова А.Б. Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776-1822) / А.Б. Ботникова // Немецкий романтизм : диалог художественных форм. – Воронеж, 2004. - С. 252-257.

Занятие № 5

Творчество Генриха Клейста

1. Жизнь и творчество писателя. Особенности его личности.
2. Комедия «Разбитый кувшин»:
 - *Сюжет комедии, центральная проблема.*
 - *Конфликт комедии и главные участники конфликта*
 - *Образ судьбы Адама*
 - *Образ Евы*
3. Трагедия «Пентезилея». Трактовка античного мифа
 - *Образ главной героини . Внешний и внутренний конфликт трагедии*
4. Новеллистика Клейста
 - *Сюжет повести «Михаэль Кольхаас»*
 - *Образ главного героя и центральный конфликт .*
 - *Исторический фон и исторические персонажи в повести и их сюжетная функция*
 - *Роль фантастических мотивов в повествовании.*
 - *Романтические тенденции в трактовке образа и конфликта.*

Литература:

1. Бенг М.И. Немецкая романтическая новелла. Генезис, эволюция, типология / М.И. Бенг. – Иркутск, 1987. - С. 33-50.
2. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии / Н.Я. Берковский. - Л. : Худож. лит., 1973. - С. 396-462
3. Ботникова А.Б. Функция фантастики в произведениях немецких романтиков / А.Б. Ботникова // Проблемы художественного метода. – Рига, 1970. - С. 116-117.
4. Дейч А. Л. Судьбы поэтов / А.Л. Дейч. - М., 1968. - С. 81-112.

5. История зарубежной литературы 19 века, часть первая / [под ред. А.С.Дмитриева]. - М., 1979. - С. 133-146.
6. История зарубежной литературы 19 века / [под ред. Я.Н.Засурского, С.В.Тураева]. М., 1982. - С. 46-47.
7. История немецкой литературы в 5-ти томах. - М., 1966. Т. 3. - С. 178-190.
8. Карельский А.В. Драма немецкого романтизма / А.В. Карельский. – М., 1992. - С. 143-237.
9. Карельский А.В. О творчестве Генриха фон Клейста / А.В. Карельский // Клейст Г. Избранное. Драмы. Новеллы. Статьи. - М., 1977. - С. 3-21.

Занятие № 6

Творчество Генриха Гейне до 1830 г.

1. Особенности жизненного и творческого пути писателя до его отъезда из Германии
2. Время создания и состав сборника «Книга песен». Основная проблема.
 - *Образ лирического героя и его характерологические особенности. Движение образа от цикла к циклу.*
 - *Социальная тема в сборнике.*
 - *Трактовка темы любви в «Книге песен».*
 - *Образы природы в сборнике и их смысловая функция.*
 - Романтическая ирония в «Книге песен» и формы ее выражения.
3. «Путевые картины»: состав цикла и особенности жанра.
 - *Критика филистерства в «Путешествии на Гарц», формы этой критики.*
 - *Картины природы и их функция. Характер описания картин природы*
4. Тема французской революции и образ Наполеона во второй части «Путевых картин»
 - *Образ Ле Грана*
 - *Образ повествователя и лирическое наполнение книги*

Литература:

1. Гиждеу С.П. Генрих Гейне / С.П. Гиждеу. - М., 1964.
2. Дейч А. Л. Судьбы поэтов / А.Л. Дейч. - М., 1968. - С. 113-239, 413-448.
3. История зарубежной литературы 19 века, часть первая / [под ред. А.С.Дмитриева]. - М., 1979. - С. 184-203.

4. История зарубежной литературы 19 века / [под ред. Я.Н.Засурского, С.В.Тураева]. - М., 1982. - С. 231-245.
5. История немецкой литературы в 5-ти томах. - М., 1966. Т. 3. - С. 390-400.
6. Ботникова А.Б. Генрих Гейне (1787-1827) / А.Б. Ботникова // Немецкий романтизм : диалог художественных форм. – Воронеж, 2004. - С. 274-300.

Занятие № 7.

Общая характеристика творчества П.Б.Шелли

1. Основные этапы жизненного и творческого пути Шелли, его социально-политические взгляды.
2. Поэмы Королева Мэб,
3. Основные идеи поэмы «Лаон и Цитна» («Восстание Ислама»)
4. Трактовка мифологического сюжета в поэме «Прометей Освобожденный».
5. Особенности лирики Шелли

Литература:

1. История английской литературы. - М. : АН СССР, 1953. Том II, вып. I.
2. Елистратова А. А. Наследие английского романтизма и современность / А.А. Елистратова. - М. : АН СССР, 1960.
3. История зарубежной литературы XIX века, часть первая / [под ред. А.С.Дмитриева]. - М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. - С. 273-293.
4. История зарубежной литературы XIX века / [под ред. Я.Н.Засурского и С.В.Тураева]. М. : Просвещение, 1982. - С. 84-90.
5. Дьяконова Н. Я. Шелли / Н.Я. Дьяконова, А.А. Чамеев. - СПб. : Наука, 1994.
6. История зарубежной литературы XIX века / [под ред. Н.А.Соловьевой]. М., 2000. - С. 115-124.

Жизненный и творческий путь В.Гюго до 1830 г.

1. Основные этапы жизненного и творческого пути В.Гюго. Особенности его лирики.
2. Эстетические взгляды В.Гюго в «Предисловии к драме «Кромвель».
3. Новаторство В.Гюго в драматургии. Основной конфликт в драме «Эрнани».
4. Исторический роман В.Гюго «Собор Парижской Богоматери».
 - *Изображение исторического колорита.*
 - *Образ Собора в романе.*
 - *Система образов.*
 - *Принцип контраста в романе.*

Литература:

1. Евнина Е.М. Виктор Гюго / Е.М. Евнина. – М. : «Наука», 1976. – С. 5-65.
2. История французской литературы. - М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. - С. 246-271.
3. История зарубежной литературы XIX века, часть первая / [под ред. А.С.Дмитриева]. - М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. - С. 413-437.
4. История зарубежной литературы XIX века / [под ред. Я.Н.Засурского и С.В.Тураева]. - М. : Просвещение, 1982. - С. 122- 138.
5. История зарубежной литературы XIX века / [под ред. Н.А.Соловьевой]. - М. 2000. - С. 355- 371.

Составители: Ботникова Алла Борисовна, Панкова Елена Александровна
Редактор: Бунина Т. Д.